

Александр К. Иванов

Душа
созревает
для полёта



*...И пока меня, бегущего по краю,
Не подкосят в жухлую траву,
С каждым словом я живу и умираю,
В каждой ноте умираю и живу.*

Александр К. Иванов

СТИХИ

Александр К. Иванов

Душа
созревает
для полёта

СТИХИ

Николаев · «Илион» · 2014

УДК 821.161.2-1
ББК 84-5
И 20

Олександр Кузьмич Іванов – професійний музикант. Саме в єднанні поетичного і музичного світів він шукає свою особливу стилістику, інтонацію і ритміку вірша, і не тільки в рядку, а надто – між рядків.

І простий шанувальник поезії, і літературний знавець звернуть увагу на широку палітру почуттів і настроїв, народжених талантом і натхненням автора.

Іванов А. К.

И 20 Душа созрела для полета : стихи / Александр К. Иванов. — Николаев : ИЛИОН, 2014. — 88 с.

ISBN 978-617-534-211-4

Александр Кузьмич Иванов – профессиональный музыкант. Именно в сочетании поэтического и музыкального миров он ищет свою особую стилистику, интонацию и ритмику стиха, и не только в строке, но более – между строк.

И простой почитатель поэзии, и литературный знаток обратят внимание на широкую палитру чувств и настроений, рождённых талантом и вдохновением автора.

УДК 821.161.2-1
ББК 84-5

ISBN 978-617-534-211-4

© Иванов А. К., 2014



Вместо *предисловия*

*М*ой первый литературный опыт состоялся, когда мне было лет десять. Помню, накануне Дня Победы отец задумчиво как-то произнёс:

– Я на фронте стишок написал про войну. Может в газету отправим?

Я прочитал. А что, неплохо. Зубасто. Речь шла о том, как мы в войну наkostenяли Гитлеру и его «прихвостню Антонеску». Кто такой «прихвостень», я догадывался, а Антонеску, разъяснил отец – румынский фашист и пособник Гитлера.

Но форму изложения я раскритиковал. Отец, может в целях экономии бумаги, записал строфы из четырёх строк в три строки. Все рифмы оказались не на месте, что я и принялся исправлять. Переписал стих начисто, в четыре строки. Расставил, где нужно, запятые. Кое-где изменил слова. Чисто тебе «литературная редакция!»

К удивлению, стихотворение в газете напечатали. А я впервые обратил внимание на эту сторону умственной деятельности. С тех пор стихи я читал более дотошно, что ли, – не нужно ли подправить что-нибудь?

В школе я был редактором стенгазеты и подписывал карикатуры зарифмованными строками. Например: *«Костюченко Анатолий – лучше парня не найдёшь! Начал он плевать на землю, а потом на молодёжь»*. Но пока потребности выражать мысли в стихотворной форме я не испытывал.

В армии я писал стихи, в чём-то подражая Сергею Островому, поэзию которого очень любил. Писал песни о романтической любви на фоне горной экзотики.

Но, к счастью, уже тогда понимал, что эта, написанная мною песня, скорее, триста первая песня Юрия Визбора, чем первая – Александра Иванова. Пробовал писать тюремную лирику, иронические и пародийные стихи. Некоторые из них были весьма удачны и друзьям нравились.

Но *мой* стиль, *моя* тема, *моё* видение были пока не определены. Только окончательно «переболев» подражательством и желанием всем угодить и понравиться, я нашёл своё, пусть наивное, но искреннее, поэтическое слово.

Я понял, что каждый человек, невзирая на возраст и жизненные перипетии, в глубине души остаётся неисправимым романтиком, и его всегда будут волновать те же извечные вопросы – одержит ли победу добро над злом, есть ли на свете правда и что такое любовь? Я думаю, что все стремления, поступки и душевные порывы человека нужно рассматривать с философской высоты, как бы двигаясь от общего к частному.

Но чтобы воплотить задуманное в стихах, мне явно не хватало опыта работы со словом. Здесь на помощь пришло другое моё второе творческое увлечение – сочинение музыки на слова других поэтов. Я штудировал поэтические сборники в поисках подходящих для песен стихов и исподволь учился таинству поэтического слога.

Особенно благотворной оказалась дружба и совместное творчество с талантливыми поэтами Миколою Солодченко и Анатолием Анастасьевым. Мы вместе работали над стихами для песен, и для меня это стало настоящей школой поэтического письма.

Недавно пересмотрел свой архив. Собрал в отдельную папку рецензии и отзывы о моих концертах, о стихах и песнях. Удивился, как много известных людей, прозаиков и поэтов, народных и заслуженных, учёных и журналистов, меня поняли и признали. Они приходили на мои концерты, читали книги, и даже

сочли нужным сказать обо мне доброе слово в газетах и журналах. Спасибо им.

А вот папка №13. В ней собраны черновики неоконченных или забракованных стихов и песен. Папка пухлая, – мой фильтр работал хорошо. Может быть, слишком хорошо.

Открываю следующую папку. Здесь первые варианты стихов. Как они не похожи на окончательную версию!

Как-то поэта спросили:

– Вы всегда читаете свои стихи по книге. Вы что, не знаете их наизусть?

Он ответил:

– При работе над стихотворением возникает такое количество вариантов, что всегда есть опасность прочитать вам не тот из них, который я признал окончательным.

Действительно, поиск одного нужного слова лишает стихотворца сна, аппетита и других радостей. Странные люди! В мире миллиарды людей никогда не писали стихов и не страдают по этому поводу. А здесь, – неточное слово в строке – уже трагедия. Да уж такие они, поэты – странные люди, не от мира сего.

Слово – неуловимая жар-птица. Кажется, вот она, – рядом, яркая, манящая, желанная! Но стоит только сделать шаг, чтобы взять её в плен, она кокетливо чуть-чуть отлетает, – и опять недостижима. И достаётся поэту в лучшем случае случайно обронённое золотое перо...



Королю
небес



В НОЧНОЙ ТИШИ

В ночной тиши не каждый замечает,
Как времени идя наперерез,
Вдруг исподволь биение легчает
И умолкает колокол небес.

Он отзвучит хрустальным перезвоном
С невиданными россыпями нот,
И этот звон печальным унисоном
С последним стуком сердца совпадёт.

Лишь Южный Крест замрёт оцепенело,
Бессменный страж на траурном посту,
И Козерог уложит неумело
Спать вечным сном упавшую звезду.

А в мире все останется как прежде,
Урочный час еще не вышел весь.
Давайте жить! Пока звонит надежду,
Качающийся колокол небес.

МОЙ ДРУГ

Ушёл мой друг по зову свыше
 И, ни прощая, ни виня,
 Оставил на промозглой крыше
 Готового взлететь меня.

Мой друг, магистр познаний тайных,
 Открыл неведомый портал,
 И среди нас, небесталанных,
 Он гениальностью блистал.

Ему легко давались ноты
 И непокорные стихи,
 И с высоты солнцеворота
 Казались мелкими грехи.

Он был в манерах безупречен
 И по-мужски неукротим,
 И легче покорял он женщин,
 Чем я, лысеющий блондин.

Еще вчера над зеброй клавиш
 Своей игрой мне душу рвал.
 Как будто бы уже прощаясь,
 Он скорбный реквием играл.

И неземное вдохновенье
 Его неистовой игры,
 Как шаг в иные измеренья
 И параллельные миры.

А мой хорал звучит все тише.
 Мой друг ушёл. И потому,
 Жду не дождусь я зова свыше
 И так завидую ему.

* * *

Я твердо знаю, что небесные созвездия
Рождаются, взрываясь изнутри,
И где-то там, в глубинах вещего
предвестия

Моя звезда горит.
Возвышенный свет из мироздания
Над грешной моей судьбой
Земного раба в мирских скитаниях
Ведёт за собой.

Я сердцем чую, что живу в двух
измерениях,
Когда душа вдруг покидает плоть,
И с неизбежностью внезапного
прозрения

Спасение придёт.
Но к праведности стремясь по-разному,
Не всё искупив ещё,
Я буду судим и высшим разумом
Казнён и прощён.

Я свято верю, что величье бесконечности
В бессмертие бегущие года.
Наступит миг и мой призыв достигнет
вечности,

Гори, моя звезда!
Верченье миров в огне неистовом,
А в них бытия тщета.
Но волей светил познание истины
Придёт навсегда.

НА УЛИЦАХ КИЕВА

На улицах Киева снова бои.
Но где же враги? Все как будто свои.
О, Боже, за что нам такая напасть! –
На улицах Киева делится власть.

Здесь проклята все святая судьба,
А в дьявольской пляске безумствует рок.
Здесь только и слов, что *позор да ганьба*,
Здесь каждый себе и судья, и пророк.

А нам всё не время взлететь в небеси,
И лень прошептать – Сохрани и Спаси!
И всё недосуг нам познать с высоты –
Зачем не к добру покосились кресты.

И в Киеве что-то с погодой не так.
Не свежие ветры, а жуткий сквозняк.
И проданы оптом благие дожди,
И куплены в розницу горе-вожди.

Им каждому дай только главную роль,
Хотя что ни образ, то голый король.
Театром абсурда натешимся всласть! –
На улицах Киева делится власть.

* * *

Она зайдётся кашлем,
переступив порог,
никто не знает как ей
и вряд ли видит Бог.

Полужива и гленна
на скорбном рубеже,
до третьего колена
все вымерли уже.

Ей прошлое не снится,
в беспамятстве она,
зачернены все лица,
затёрты имена.

И в мире окаянном
лишь шепчет впалым ртом
молитву покаянья
над рухнувшим крестом.

И ей давно пора бы
пополнить вечный ряд,
где каменные бабы
в Аскании стоят.

* * *

Всё затихнет во вселенной,
Если будней ритм храня,
Пролетит табун мгновений,
Как последний выдох дня.

И хотя хронометр точен,
Нет статистики верней, –
Что года теперь короче,
А вот ночи все длинней.

ПОСЛУШАЙ НЕБО

Я, конечно, не зря выбираю
Тот сюжет, что волнует всегда, –
Как мгновенья минуты рождают,
А из дней вырастают года.
Как за юностью следует зрелость
И пора урожаем собирать:
То законов земных неизбежность
И не вправе мы их изменять.

Послушай небо в слепую полночь,
Там позывные твоей судьбы,
И звук над миром – рассветом полнясь,
И вечность жизни, и зов мольбы.

Малышу школа лучше, чем садик,
До усов дорасти бы юнцу...
Почему седине мы не рады,
Даже если она к лицу?
Почему мы спешить согласны
И не можем себя унять?
Потому что мы жизни подвластны
И не в правилах ей изменять.

Хоть прожитое зримо сегодня,
Счет годам прошлым нужен едва ль.
Что с того? Пусть их будет и сотня,
Но никто чтоб нам сто не давал.
Чтобы сердце стучало тревожно,
Если жизнь спросит новый урок –
Забывать нам о возрасте можно,
Это, в сущности, маленький срок.

Послушай небо в слепую полночь,
Там позывные твоей судьбы,
И звук над миром – рассветом полнясь,
И вечность жизни, и зов мольбы.

СКАЛОЛАЗ

Груда камней на вершине,
Памятник мрачен и груб.
Это достойно мужчины –
Вместо креста ледоруб.

Не зазвонят колокольни,
Только угаснет звезда.
Это мужчины достойно
Гордо уйти в никуда.

И по сей день Витус Беринг
В милях от датской земли
Ищет затерянный берег
И неоткрытый пролив.

Мы бы не знали америк,
Если б Колумб сплеховал.
«Два капитана». Каверин.
Старый скрипящий штурвал.

Есть в озареньи последнем
Высший божественный смысл –
Каждый наш вздох не бесследен
И нескончаема мысль.

Боги с Олимпа вершили,
Музы избрали Парнас.
Каждому есть по вершине,
Каждый из нас скалолаз.

* * *

...Вновь под музыку снятся ночами
Вожаку журавлиного клина
Дирижёрские взмахи крылами
Над клавиром бессмертного гимна.

...Вновь стремимся мы жить на пределе
У огня обострённого чувства.
Посчастливилось нам – мы летели
В освежающем ветре искусства!



Исповедь
наедине



НАМ, ГРЕШНЫМ...

Нам, грешным, ближе поверхностный
смысл.

К праздным раздумьям нет повода вроде.
Но почему так навязчива мысль
О чистоте первоизданной природы?

И в полудрёме пригрезится луг
И мальчуган, по раздолью бегущий.
Не одинок он, подумаешь вдруг,
А породнён естеством со всем сущим.

Мне бы прервать угнетающий плен,
Без сожаленья покинуть бы город,
Пить родниковую воду с колен,
Плодом лесным утоляя свой голод.

Мне б по нехоженным тропам пройти,
Гладить по шее косуль непугливых,
Мне б хоть глоток вековой простоты,
Мне бы туда, где я буду счастливым.

Странною кажется эта мечта,
Ведь на исходе двадцатого века
Вряд ли найдутся такие места,
Где б не ступала нога человека.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Буду я, то плакать, то смеяться,
Мне близка эмоций пестрота.
Облачаюсь в балахон паяца,
А с изнанки рубище Христа.

Но в какой бы не был ипостаси
Послаблений не даю себе.
В ГДР я увильнул от Штази
И не стал сексотом КГБ.

И чуть что, я как актёр в театре,
Шуточки бросаю с кондачка.
До сих пор храню в репертуаре
Роль шута и имидж простачка.

Пусть вопят хулу моим затеям,
Мол, не пустят в райские врата.
Что ж, и вправду, был я лицедеем,
А вот лицемером никогда.

Как прочтут моих деяний карму
По большому счёту всё равно.
Если в рай – увижу свою маму,
А в аду приятелей полно.

Подведя черту под темой зыбкой,
Сам себе командую – держись!
Если можно умереть с улыбкой,
Я всегда готов... продолжить жизнь.

РЕИНКАРНАЦИЯ

Я хотел бы при втором явлении
стать не принцем голубых кровей,
а воскреснуть тайным отражением
непутёвой девочки моей.

Я устрою дефиле по улице,
на бабуль навешаю чертей,
на тусовке буду с кайфом плющится,
танцы, сигарета и коктейль.

Пусть я буду прелесть какой дурую,
из себя вся воплощённый грех,
но с такую классною фигурою
всё равно я лучшая из всех.

Захочу, по мановенью пальчика,
за один неотразимый взгляд,
олигархи, звёзды и начальники
женихами выстроятся в ряд.

И влюблённый паренек с гитарою
интересный, всё-таки, пацан,
но какой же будет мне он парою
если денег нет на ресторан.

А залетный хахаль из Эстонии,
и пузатый прилипала-мент,
и невыттый рокер на «Полонии» –
это промежуточный момент.

Погуляю до поры до времени,
сколько искусителей окрест,
а потом случайная беременность
на мечтах поставит жирный крест.

...Веришь ли в реальное пришествие?
Сквозь обиды, слёзы и враньё,
я явлюсь последнею надеждою
разделить отчаянье твоё.

ЛЕПЯТ ЛАСТОЧКИ ГНЕЗДО

Суждено ль проснуться рано
С тёплым чувством – мой здесь дом, –
И смотреть как неустанно,
Без сомнений и обмана
Лепят ласточки гнездо.

Словно по наитью свыше
Прутики кладут крестом,
И растёт под зыбкой крышей
В уголке укромной ниши
Невесомый птичий дом.

И они, птенцов пугливых
Ограждая от невзгод,
Не в пример нам терпеливо,
С простотою прозорливой
Будут сохранять свой род.

В этом – суть предназначенья
И гарантия от зла.
Их не гложет отчужденье,
И не им сулит крушенье
Трижды проклятый разлад.

Отчего в сплошном надколе
Наши гнёзда-этажи?
Переполненные болью,
Как хранилища бездоля
На развалинах души.

И пока беда за гранью
И есть шанс один на сто,
Посмотри, как ранней ранью
Обречённым в назиданье
Лепят ласточки гнездо.

ДУША СОЗРЕЛА ДЛЯ ПОЛЁТА

Душа созрела для полёта
И миг счастливый не забыть –
Когда из тысячи мелодий
Моя любимая взлетит.
И понесёт на чудо-крыльях
К тем, кто в оркестр навек влюблён,
Как будто новый мир открыли
И стал неповторимым он.

Царят в том мире вдохновенье,
Надежда, вера и любовь,
И к возрасту здесь нет почтения,
Здесь каждый молодеет вновь.
Игре волшебной поклоняясь,
Как исповеди на духу,
Здесь музыка с души снимает
Рассудочности шелуху.

Вот все сольются воедино
Под дирижёра мудрый взмах –
И чувства разум победили,
И пульт ромашками запах.
Как ветер трепет пронесётся,
Волненье всколыхнёт до дна –
Баян то плачет, то смеётся,
И сердцу в такт дрожит струна.

Пусть инструменты, словно в гамме,
Ведут мелодию одну –
Они поют сегодня с нами
Про нашей юности весну.
И тех времён припомнив тосты,
Как прежде, всем друзьям желал,
Чтобы всегда вот так вот просто
Оркестр людей за душу брал.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Мотора сонное сопенье,
Его медлительность кляня:
– Друзья, – кричу я в нетерпеньи, –
Друзья, вы слышите меня?

Я затерялся в ритме буден,
И прилететь к вам всё не мог,
Но постигать мы вместе будем
Клубок запутанных дорог.

От нити той первоначальной,
Что нас вела в потоке дней,
До нити чёрной и печальной,
Когда теряли мы друзей.

И вздрогнет поседевший волос,
Когда в задумчивой тиши
Вдруг зазвучит мой хриплый голос,
Как стон израненной души.

А спеть хотелось про другое:
Друзья, я верю горячо,
Что всех нас счастье ждёт такое,
Какого не было ещё!

Что мы ещё такие же, как прежде,
Что мы ещё воскреснем к жизни вновь
И перемножим давние надежды
На снова обрётённую любовь!

...А скоро в путь. Под небом крики чаек,
Но как тревожен этот вещий крик!
И потому я с точностью не знаю,
Последний раз ли к родине приник.

О. ІВАНОВ – М. ПОПЛАВСЬКОМУ

Край неба сонце заночує,
Поснуть тривоги і жалі.
А він не спить, він серцем чує
Святу мелодію землі.

І згадка, мов зірниця зблисне.
Він йшов вперед не навмання
Від босоногого дитинства
До зрілих літ і визнання.

У цій землі його коріння,
Простого роду гідний син.
Одна для нього Україна,
І в Україні він один.

Палке, бурхливе і пісенне
Його життя. А над усе –
Ці двадцять років, як зі сцени
Він щиру пісню нам несе.

Ця пісня, як душі тремтіння
Від материнського тепла,
Ця пісня, як політ невпинний
На крилах юного орла.

Поплавський з нами! – Це йому є
Підвладні сонячні далі.
І він чутливим серцем чує
Святу мелодію землі.

ПЕСНЯ О НАСТОЯЩЕМ
ЧЕЛОВЕКЕ

*Михаилу Михайловичу
ПОПЛАВСКОМУ*

Друзья, давайте в кои веки,
не оставляя на потом,
о настоящем человеке
мы речь сегодня поведём.
А время хоть проходит быстро,
нам навсегда дано сберечь,
как Вы дарили божьи искры
неповторимых наших встреч.

Простых дорог не выбирали,
пусть будет много их ещё.
И сколько раз мы опирались
на Ваше верное плечо!
Все сокровенные надежды
Вам доверяли, как себе.
Вы дружбу множите, как прежде,
на верность собственной судьбе.

Привыкли жить Вы на пределе,
не замечая грань едва...
Ну почему, на самом деле,
Вам не считают год за два?
Но будет добрым то примером,
когда в возвышенной тиши,
Вы закаляли нашу веру
в огне своей большой души.

Пока не гаснет в сердце пламя
любые ветры нипочём.
Храним мы прошлое как память,
а больше – будущее ждём.
Друзья, давайте в кои веки
речь откровенно поведём
о настоящем человеке,
с которым рядом мы живём.

ГОРОД РОДНОЙ

*Чайке Владимиру
Дмитриевичу
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Город снова проснётся с рассветом,
И пока он ещё в тишине,
Я пройду по любимым проспектам,
Как на исповедь наедине.
И среди сокровенных отметин
На ладонях его площадей
Знаю, есть где-то штрих неприметный –
Это линия жизни моей.

Город родной – путь к маяку!
Припадаю к тебе, Николаев,
Как при жажде к роднику.
Путь к маяку – город родной!
Слышу песню твою, Николаев,
В криках чаек над водой.

У Яхт-клуба я вспомню невольню,
Как по берегу шли я и ты.
Это здесь мы доверили волнам
Океанские наши мечты.
И привиделось в дымке безбрежной,
Как Ингул их понёс в Южный Буг.
Нас тогда обвенчала надежда
У слияния встреч и разлук.

Город родной – путь к маяку!
Припадаю к тебе, Николаев,
Как при жажде к роднику.
Путь к маяку – город родной!
Слышу песню твою, Николаев,
В криках чаек над водой.

Корабли отошли от причала
И волнение лишь стихнет едва,
Я знакомому чувству начала
Посвящаю простые слова.
Говорю про попутные ветры,
Как минуя чужие моря,
Только здесь мы с любовью и верой
Опускаем судьбы якоря.

Город родной – путь к маяку!
Припадаю к тебе, Николаев,
Как при жажде к роднику.
Путь к маяку – город родной!
Слышу песню твою, Николаев,
В криках чаек над водой.

* * *

Мне ветер сердце не остудит,
Храню, как жар в душе, слова –
Не могут жить на свете люди,
Не признавая волшебства.

Таинство музыки... Оттуда
Я к вам доверчиво веду
Святую веру в жизни чудо,
В свою судьбу, в свою звезду.



Троицка
детства



ШКОЛЬНОМУ ДРУГУ

Отзовись, далёкий друг,
Сверим ритм дыханий,
И кольнёт под сердцем вдруг
Боль воспоминаний.
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

Мы дуэтом поднялись
Весело и гордо.
Ах, зачем играла жизнь
Горькие аккорды?
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

Наших струн истёрлась нить
В поседевший волос,
И все тише мне вторит
Твой охрипший голос.
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

Верь, что есть, покуда жив,
Шанс один из тыщи,
И припомнив наш мотив,
Отзовись, дружище!
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

* * *

Домры, гусли, балалайки
И баянов звонкий ряд
Через годы без утайки
Вновь со мною говорят.

Как мечту свою лелея
В колыбели добрых нот,
Мы в оркестре одолели
Главный в жизни поворот.

К дружбе с музыкой, к началу
Нескончаемого дня,
Где бывшее повстречало
Уже взрослого меня.

* * *

Когда в шинели нараспашку
Пришёл отец с войны домой,
Осталось на одну затяжку
Махорки в трубке фронтовой.

Он избегал нелепой смерти,
Не для себя себя храня, –
Иначе б не было на свете
Послевоенного меня.

Война... Проклятье в наших стонах,
Зачем ты, жизни вопреки,
Рожила слёзы похоронок
И родословных тупики?

* * *

Ещё всё безоблачно слишком
и очень душевно пока.
Несут осторожно под мышкой
живую игрушку – щенка.

Он будет желанным покуда,
но если всё искренне так,
я думаю: – Боже, откуда
так много бездомных собак?

Друзей человека... И вскоре,
как злого предательства сглаз,
их участь – сачок живодёра,
будь проклят рождения час.

Пал на душу грех не прощённый,
и как-то в тревожной ночи
вдруг сердце замрёт обречённо,
и совесть спросонок вскричит.

ДВА УРОКА

Мне до сих пор вспоминается с мукою
школа, Тургенев, Муму.
Все директрису дразнили гадюкою,
мал был, не знал, почему.
Но не врала интуиция детская,
в женщине чуя змею.
А во дворе школы Жучка облезлая
грела щенячью семью.

Мы, разбитная шпана повоенная,
от велика до мала
знали и в Бога и в мать откровения,
только не знали тепла.
По бурьянам самокрутки чадили ли,
в драках ложились костями,
а со щенками душой отходили мы
и становились детьми.

Жаль, что в те годы был чуть ли
не дерзостью
детский общительный смех.
Нам из окна директриса шипела всё:
– Всех накажу, всех, всех, всех!
Жорик припадочный, семя гадючее,
за похмельные гроши
ей побожился по пьяному случаю
наших собак порешить.

... Взвизгнула жалобно, как человек
кричит,
корчилась мордою в грязь.
На костылях плакал мичман
калеченный:
– Что же ты делаешь, мразь?
Кодлом на нелюдя мы нападали все,
эх, если б сбить его с ног.
Но кулаком оглушённые, падали
под беспощадный сапог.

Мне вспоминается с болью гортанною
школа, Тургенев, Муму.
Выли щенки над прибитою мамою:
– Люди, за что, почему?
Вновь захлебнулся в наивной
беспечности
школьный дрожащий звонок.
После урока бесчеловечности
шел гуманизма урок.

* * *

Сами боль не выбираем,
Но куда от правды деться,
Что всё больше значит разум,
Умаяя долю сердца?

Память детства... Там, за нею
Нас вопрос извечный мучит –
Мы становимся мудрее,
Но становимся ли лучше?

ПЕСЕНКА О МОЁМ СЛОНЁНКЕ

В детстве отдалённом
В мои ребячьи сны
Пришёл смешной слонёнок
Из сказочной страны.
Особым чувством ведал,
Как очень нужен здесь,
И я всерьёз поверил,
Что он и вправду есть.

Слонёнок при удачах
Мне хоботом трубил.
А тосковал я, значит,
Он тоже грустным был.
Я все свои секреты
Слонёнку доверял,
И как никто на свете
Меня он понимал.

Мы шли по жизни вместе,
С годами говоря,
И я в каком-то месте
Слонёнка потерял.
С тех пор стал мир иначе,
И сказкам веры нет,
А где-то горько плачет
Слонёнок детских лет.

БОСОНІЖ ПО ПОЛЮ

Наступає сіножать,
А душа не хоче.
Знову спогади біжать
Ледь заплющю очі.
Де криниця у дворі
Й хата в двоє вікон,
Звідки вийшов на зорі
Я у світ великий.

Босоніж по полю
Доганяю долю,
Доганяю долю
Босоніж по полю.

Пісня в даль вела мене,
А любов по колу.
Щось губив я незначне,
Головне ж – ніколи.
Знаю, буде каяття
За гріхи невірні, –
Просто я люблю життя
До нестями сильно.

Від чарівної землі
Все святе зі мною,
А тривоги і жалі
Стануть сивиною.
Наступає сіножать,
А душа співає.
Тільки спогади біжать,
Пам'ять серце крає.

Босоніж по полю
Доганяю долю,
Доганяю долю
Босоніж по полю.

ДОЧЕРИ

Когда фанфары громко
Разбудят белый свет,
Проснётся вдруг девчонка,
А ей шестнадцать лет.

И солнечные кудри
Растреплет у окна
И усмехнется утру,
Как взрослая она.

Наивная девчонка
С косичками вразлёт,
Не раз еще тихонько
Над куклами всплакнёт.

Но в этот день чудесный,
Её счастливей нет.
Она сравнима с песней
В свои шестнадцать лет.

* * *

Снова вспомню, как всё это было –
Звон гитары и пляска огня,
Как ты песни мои полюбила
И, возможно, немножко меня.

Но туристы народ-непоседа,
И их разные манят края.
Только нет-нет и спросится: где ты?
Может спросишь и ты – где же я...



Дыхание
любви



ДОМ ЛЮБВИ

*Любимой жене
Валентине*

Ты позови меня манящим взглядом,
Я прилечу к тебе и буду рядом.
Нас всегда сквозь года
Ждёт венчальная звезда.
В небе есть наш заветный звёздный
остров,
Только попасть туда совсем не просто.
Лучше нам строить дом,
Дом любви для нас вдвоём.

В том доме крыши нет пока,
А вместо крыши облака.
Есть только стены из песка,
А нужно строить на века.
Воздушным замкам веры нет –
Они не простоят много лет.
Ты только навсегда позови,
Построим вместе Дом любви.

Помнишь, как нас влекли за далью дали?
Только напрасно мы о них мечтали –
Ведь вдали от земли
Не построить дом любви.
Может пора с тобой решить однажды,
Сколько пройти навстречу должен
каждый,
И найти на пути
Перекресток Дом любви.

В том доме крыши нет пока,
А вместо крыши облака.
Есть только стены из песка,
А нужно строить на века.
Воздушным замкам веры нет –
Они не простоят много лет.
Ты только навсегда позови,
Построим вместе Дом любви.

МНЕ, ТО НЕ КАЖЕТСЯ....

Мне, то не кажется, то кажется,
Что полюбил Сатурн Луну.
Мерцает ей: – Моя красавица,
Люблю тебя одну!

Но далеко Сатурну быть дано,
И окольцован он давно.

Мне, то не кажется, то кажется
От сердца к сердцу льётся свет.
И у Луны лучи рождаются
на те лучи в ответ.

Но вот беда, с Землёй обручена
На веки вечные Луна.

Мне, то не кажется, то кажется
В рассказе этом есть печаль –
Ведь им нести разлуки тяжести
По сумрачным ночам.

А между ними миллионы вёрст,
И против все законы звёзд.

Мне, то не кажется, то кажется
Что где-то рядом счастье тут.
Луна с Сатурном улыбаются
И тем они живут.

Друг другу светят они до сих пор
Преградам всем наперекор.

* * *

Город замер, как перед грозой,
И конца безысходности нет.
Ещё миг – и размочит слезою
Исчезающий твой силуэт.

И хоть вы меня бейте и режьте,
Но не в силах прорвать немоту:
Я смотрю, как святая надежда
К перекрёстку идёт,
Как к кресту.

ТЫ СОХРАНИ

Ты сохрани от вспыхнувшей свечи
Волнение таинственного света,
Дыхание горячее в ночи,
Предчувствие вопроса и ответа.

Звезда надежды обожгла меня
И приземлилась прямо к изголовью...
Вот пролетели два счастливых дня,
Как светлый миг, наполненный любовью.

Ты сохрани от дрогнувшей струны
Безумие таинственного звука,
Чередование солнца и луны,
Переплетенье встречи и разлуки.

Звезда надежды обожгла меня
И приземлилась прямо к изголовью...
Вот пролетели два счастливых дня,
Как светлый миг, подаренный любовью.

Ты сохрани от начатой строки
Познание таинственного слога,
Прикосновение трепетной руки...
Всё сохрани, молю я, ради Бога!

Звезда надежды обожгла меня
И приземлилась прямо к изголовью...
Вот пролетели два счастливых дня,
Как светлый миг, подаренный любовью.

СВЯТАЯ ГАРМОНИЯ

Послушай встречи голос вещей,
И хоть минута коротка,
Пусть робкой птицей затрепещет
В моей руке твоя рука.

Надежды симфония
В молчаньи твоём...
Святая гармония,
Когда мы вдвоём.

Доверься чувствам непритворным,
Мосты для бегства не готовы.
Пусть ручейком вольётся горным
Твоя любовь в мою любовь.

Прими улыбку на прощанье,
Хоть по щеке бежит слеза,
Пусть глянут с тайным обещаньем
Твои глаза в мои глаза.

Надежды симфония
В молчаньи твоём...
Святая гармония,
Когда мы вдвоём.

А ЗА ОКНОМ ОПЯТЬ МЕТЕЛЬ. . .

В беспределе зимней стужи
Почта ходит по часам,
Замороженные души
Разносятся по адресам.
В белом траурном конверте
Мне назло прислала ты
Извещение о смерти
Нашей зябнущей мечты.

А за окном моим зима,
Как продолжение письма,
А за окном моим зима, опять зима...
А за окном холодный снег
Скрывает память о весне,
А за окном моим холодный снег...

Замерзает птичья стая
На подлёте к небесам.
Отогрею ли тебя я
Или охладею сам?
Может оттепель весною
Смоет льдиное клеймо?
И белеет предо мною
Неначатое письмо.

А за окном метель чиста,
Как продолжение листа,
А за окном метель чиста, метель
чиста...

А за окном холодный снег
Скрывает память о весне,
А за окном моим холодный снег...

Хоть направо, хоть налево –
Безнадёжно замело.
В царстве Снежной королевы
Нет намёка на тепло.
Нам вскочить в крутые сани
И умчаться бы на юг.
Не поможем себе сами –
Не избавимся от вьюг.

А за окном опять метель
Заносит след моих потерь,
А за окном опять метель, опять
метель ...

А за окном холодный снег
Скрывает память о весне,
А за окном моим холодный снег...

ЗИМНИЙ СОНЕТ

Я к любовному сонету
Набросал эскиз каймы,
То сплошной чертою лета,
То пунктирами зимы.

И провёл холодной гранью
Между явью и мечтой
Штрих от точки замерзанья
До чуть тёплой запятой.

А когда в далёком марте
Будет снег сойти готов,
Я распутаю по карте
Многоточие следов.

Всё, что было наносное,
Смоет талая вода,
И останутся со мною
Только наши два следа.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Давно уже уснуло лето
И почему-то грустно это,
И музыка играет где-то
Не для меня, не для меня.

Проходит мимо свадебная осень,
И томной грустью дни её полны.
Когда придёшь ты и тихо спросишь –
Ну почему же не вместе мы.

За листопадом не угнаться,
В его ходах не разобраться.
Вот так же надо мной кружатся
Твои слова, твои слова.

Осенние костры в тумане
Причудливым дымком дурманят.
Я жду когда меня поманит
Твой огонёк, твой огонёк.

Нам журавли мосты проложат
И ты меня услышишь всё же,
И ты тогда уже не сможешь
Жить без любви, жить без меня.

Проходит мимо свадебная осень,
И томной грустью дни её полны.
Когда придёшь ты и тихо спросишь –
Ну почему же не вместе мы.

ТЫ И Я

В солнечные дни
В сердце сохрани
Добрые надежды наших встреч.
А дождливым днём
Вспоминай о том,
Что мы не смогли с тобой сберечь.

Ты и я, ты и я –
Два далёких голоса.
Ты и я, ты и я –
Два магнитных полюса.
Мы разделим каждый миг
По полмига на двоих.
Я и ты, я и ты,
Наши тайные мечты.

Где-то там вдали,
На краю земли,
Пропасти безжалостных разлук.
Но спасёт меня,
Высотой маня,
Жаркое объятие твоих рук.

Ты всегда со мной,
Летом и зимой,
В жаркий день и в трепетной ночи.
Догорит звезда,
Только никогда,
Пусть не гаснут наши две свечи.

ОСЕНЬ

Осень, ты не скоро приди ещё,
Осень, не ложись на моё плечо.
Годы на пределе летят
Тенью из весны в листопад.
В белом платье где-то ходит та любовь,
Огоньком на горизонте,
Песней снов.
Ни весной, ни летом и не на заре —
Постучит неожиданно
В сентябре.

Осень, слышишь прошлое я зову?
Что же надо мной облака плывут?
Осень, твои краски грустны,
Словно отблеск дальней весны.
Лишь когда слезами истечёт весь дождь,
Как последняя надежда ты придёшь.
И хоть грусть моя не в ранней седине,
Журавлиный плач не песня о весне.

Осень, ты не скоро приди ещё,
Осень, не ложись на моё плечо.
Годы на пределе летят
Тенью из весны в листопад.
В белом платье где-то ходит та любовь,
Огоньком на горизонте,
Песней снов.
Ни весной, ни летом и не на заре —
Постучит неожиданно
В сентябре.

В ЦЫГАНСКОМ СТИЛЕ

Всё острее в себе замечал я
Будоражащий цокот копыт,
Хоть в крови этот ритм не случаен,
Он от предков ещё не забыт.

А любви затаённое пламя
Не согрело меня. А потом
Обожгла вдруг далёкая память,
Как щелчок взгорячённым кнутом.

И тогда, оседлав самолёты
И взнуздав, как коней, поезда,
Мчал к тебе, в наши юные годы...
Виноват я.

Прости.

Опоздал.

ДА И НЕТ

Поезд тронулся, я вслед иду.
За печалью встречу вдруг беду...
Здесь, у стен вокзала,
Что ж ты не сказала
Мне в ответ –
 Ни да, ни нет.

Без конца и без начала путь,
Приведёт ли он куда-нибудь?
Нашей жизни рельсы
Разбегутся если,
Не беда –
 А может да.

Не зажгёт я огонька, и пусть!
Но тебя настигнет где-то грусть...
Вспомнишь этот вечер,
Мимолётность встречи,
Наш дуэт –
 А может нет.
 А может да?

* * *

Бескрайний мир соткан из встреч
и разлук.

В столетьях их пульс бесконечен.
Не может быть вечным кольцо твоих рук,
А жаль, что не может быть вечным.

Но даже постигнув ушедшего суть
И болью взывая к утрате,
Не вправе мы время назад повернуть,
А жаль, очень жаль, что не вправе.

Зачем же надежда под сердцем звенит –
Разлука – прелюдия встречи.
Не может быть речи, чтоб всё изменить,
А жаль, что не может быть речи.

ЕЛЕНЕ

О, причудливость сюжета,
Зимний вечер – и весна!
Каплей солнечного света,
Как подснежник из букета,
Улыбается она.

А загадочность Елены,
Словно зов издалека,
Обнажает мизансцены
Неизвестные пока.

И рука над зеброй клавиш
Звук рождает неземной.
Всё затихло. Ты играешь,
Вдохновлённая весной.

А служитель Мельпомены,
Выткав звёздную фату,
Репетирует на сцене
Похищение Елены,
Как последнюю мечту.

ПРОЩАЛЬНАЯ

Опускается вечер крылатый,
Догорают головни костра,
Сколько песен мы спели, ребята,
И прощаться настала пора.

Есть в костре и моя хворостинка,
Ярче вспыхни, гори – не сторай!
Если глаз вдруг коснётся слезинка,
Ты её от друзей не скрывай.

Память всё сохранит, что дороже,
в этом сила волшебная есть –
Все вернёмся домой мы, но всё же,
Наше сердце останется здесь...



Маробруное
небо



ПОЛУ...

Стихает взвинченность концерта
И мне б побыть наедине.
Напротив дама полусвета
В полукабацкой полутьме.

Мы разве не встречались прежде?
Ах, это дежавю! А жаль...
Полупрозрачные одежды
И полукругом полушаль.

И под простое карооке,
Как мимолётный парадиз,
Взлетает взгляд с полунамёком
С полуопущенных ресниц.

И я уже наготове,
Как штык, гитара у ноги,
Но оборву на полуслове
Полузабытые стихи.

Нет, я, конечно, не останусь,
Лишь вспомню при подсчёте ран,
Забытый Богом полустанок
И полуночный ресторан.

Прощай. Уеду, занавесясь
За полустёртое панно.
...И грустно смотрит полумесяц
В полукрытое окно.

* * *

Пред тобой, как пред Всевышним,
Моя исповедь чиста –
Я порой грешил излишне,
Без сомнений и стыда.
Содержанию и форме
Говорил: – Иду на вы!
Просто я не знаю формул
К уравнениям любви.

Вот мою шальную юность
Мимо ветром пронесло –
Там мужское то проснулось,
Что спать больше не могло.
Напролёт любовью врали,
И закрыв покрепче дверь,
Штурмом те высоты брали,
Что с трудом берём теперь.

Так прошла во сне сердечном,
Сороковая весна –
Только тем любовь и вечна,
Что сюрпризами полна.
Для себя открыл я тайну –
Там начало всех начал,
Где пришёл тот день случайный,
Что тебя я повстречал.

* * *

Разберите меня вы на части –
Пусть я буду без рук и без ног,
Но найдите ту капельку счастья,
Что для вас я наивно сберёг.

А удвоить её в Вашей власти –
Ведь с тех пор, как людей создал Бог,
Правят парные страсти-мордасти –
Пары в ЗАГСе, как пары сапог.

Да и троица тоже от Бога –
Вы простите уж мне, чудаку,
Три желанья простых до смешного –
Вам лизнуть руку, нос и щеку.

Чисел бег остановится где-то
У истоков старинной молвы,
И вы вспомните семь чудес света,
А восьмым чудом станете Вы.

И на память о ночи бессонной
Согласитесь в преддверии дня –
Вам восьмым чудом быть недостойно,
Станьте первой, одной для меня.

...Вот и всё. Снова слов многократье
Завершило свой круговорот
У единственной капельки счастья,
Что во мне в ожиданьи живёт.

И меня не терзайте на части –
Пожалеете после о том.
Лучше вы, как хмельное причастье,
Принимайте меня целиком.

* * *

В геронтологию не веря
И чуя молодость в душе,
Остановить сумеешь время
На сороковом рубеже.

И так держать! – вплоть до могилы.
Едва погаснет в спальне свет,
Такую чувствуешь ты силу,
Что нет сомнений – сорок лет.

А если паспорт вдруг напомним,
Что ты король, а не валет,
Прими сто грамм (стакан неполный) –
Помолодеешь на пять лет.

Хоть редко, но бывало знаешь,
Как потеряв стограммам счёт,
Таким младенцем приползаешь,
Что даже кот не узнаёт.

Ну, а всерьёз. – Звезда в эфире
Летит. Что загадал себе,
Всё сбудется, всё станет мирным.
На целом свете... и в семье.

ЛИСТОК ИЗ КОНСПЕКТА

Южные тревоги.
Ночи голоса.
Бронзовые ноги.
Дивные глаза.

Дальняя прогулка.
Томный разговор.
Тихий переулочек.
Затемнённый двор.

Жаркое дыхание.
Гулкий стук сердец.
Скрип двери неожиданный.
Взвинченный отец.

Маленькая ссора.
Агрессивный пёс.
Высота забора.
Необычный кросс.

Горькие итоги.
Новые штаны.
Южные тревоги.
Нежный свет луны.

ТАНЬСАНИЯ

*Секрет этой песни в том, что вместо **Таньсания** можно петь как бы об африканской стране **Танзания**, что всеми будет нормально, хоть и не без удивления, воспринято. Но истинный смысл песни поймут только два человека – Таня и Саня. Тайная любовь...*

Запутанными тропками
 Дойду в страну я эту,
 Где жар сердец – как тропики,
 Дыханье – словно ветер.
 Далёкая и странная
 Зачем, не знаю сам я,
 Зовёт волшебная страна
 Таньсания, Таньсания.

Смеясь над тупостью суда
 И ханжества замками,
 Любой из нас летит туда,
 Где пьют любовь глотками.
 Далёкая и странная
 Зачем, не знаю сам я,
 Зовёт волшебная страна
 Таньсания, Таньсания.

Мечта уходит за мечтой,
 Звеня судьбы ключами,
 Вдруг ты окажешься не той,
 Что снишься мне ночами.
 Но сердце, разум победив,
 Зачем, не знаю сам я,
 Заводит снова свой мотив
 Таньсания, Таньсания.

* * *

«Когда придёт любовь не знаю...» –
Поёт динамик на стене,
Хоть столько истин изрекает,
Что даже и не снилось мне.

Но свысока я усмехаюсь:
– Эх ты, мембранная душа,
Когда любовь придёт не знаешь?
Она вчера ко мне пришла!



Дружецькоє
Сього



ДРУЖНЕ СЛОВО ДО ІВАНОВА

*...Хорошая царица
Была Елизавет...
Алексей ТОЛСТОЙ*

Імператриця Лізавет...
Вона любила Україну, –
Ту, що не знав корнетом Фет,
А Фет-поет шукав тут чину.
Він жив у хаті край села
Посеред сербів, серед вігів...
Коляска ж царська перейшла
Із града Києва – в Чернігів.
У Розума, у козака,
Коло Десни, Дніпра і Снову.
...За щастя ноти і рядка
Спасибі мовлю Іванову.
Така щаслива нині путь
Десь на Веселі Боковеньки,
Бо Іванови тут живуть
І ще співають Іваненки...
Маестро, друже! Є прогрес
У тім, що спогад не зів'яне,
І плачуть дзвони із небес:
– Що вам ділить, брати-слов'яни?
Навкруг – суцільний декаданс,
Але горить, горить планета.
В сльозах я слухаю романс,
Та Іванова, а не Фета.

Нема в тім нашої вини,
Ми діти «языка» і «мови»,
І не безрідні Івани,
А Іваненки й Іванови.
Хоч і ковбойські в нас штани,
Ми не Ковбойченки, братове!

Я чую музику небес,
Коли гортаю мудру книгу,
Щоб наш, слов'янський бог,
воскрес –
З любові,
музики
і снігу...

*Дмитро КРЕМІНЬ,
Лауреат Національної
премії України
ім. Т. Г. Шевченка*

ВІЛЬШАНСЬКИЙ БАРД

Сашка неначе підмінили:
Занудьгував – не милий світ –
В Кіровограді говорили,
Що це з похмілля чи пристріт.
Сашко ж втомивсь в Кіровограді
Серед отих людських штовхань,
Тому й погодився він радо
Майнути десь у глухомань.
Диплом одержав – й спозаранку
Примчав автобусом в Вільшанку,
Хоч спершу й страшно ще було –
Та за плечима друг – гітара,
Синюха розливала чари,
Болгарське ніжилось село.

Сашко узявся до роботи,
Учить дітей, творить пісні,
Джмелями загули турботи,
Як в хлібороба навесні.
Він, як спортсмен, високу планку
Бере і нам хвилює кров.
Скажіть, чи знав би хто Вільшанку,
Щоб не приїхав Іванов?

Жили б в намулі ми до смерті,
Щоб не його дзвінкі концерти.
Живе він скромно. А проте
Таку гарячу має вдачу!
А півгодинну передачу
Чи хтось забув з нас по ЦТ?

О, нерозлучна оця пара!
У вечори і тихі дні
Дзвенить натруджена гітара
У кабінеті на стіні.
А скільки, рідна, відіграла,
А скільки оплесків зібрала,
І кожен слухать її рад.
Кузьмич – це гордість наша й слава,
Як і Висоцький й Окуджава.
Він наш,
 Він наш,
 Вільшанський бард!

*Микола СОЛОДЧЕНКО,
співавтор і кум*

ПАМ'ЯТАЮ НАД СИНЮХОЮ...

Пам'ятаю – над Синюхою
У Вільшанському краю
Зачаровано ми слухали
Щиру музику твою.

То вона вривалась бурею
В молоді серця до нас,
то розчулено зажурую
Невимовною лилась.

Навівала твоя музика
Почуття нові мені,
І між нами дружби вузлики
Зав'язалися міцні.

Маю дякувати долі я,
Що зібрала нас колись,
І життєві наші колії
Врізнобіч не розійшлись.

Як і в юності палаємо
Творчим пошуком добра –
Ти на Бузі в Миколаєві,
Я в степах біля Дніпра.

І ніщо для друзів відстані
Крізь сльоту і тумани,
Якщо раз назавжди піснею
Заручилися вони...

*Анатолій АНАСТАСЬЄВ,
поет*

МОЯ ПЕРДМОВА ДО ТВОРЧОСТІ
ІВАНОВА

В його очах і на його обличчі
Не видно повсякденних творчих мук.
Чутливим серцем в шумі хаотичнім
Розпізнавати вміє кожний звук.

Надворі ніч шаліє горобина,
Б'є грім-віщун, як виляск батога.
І раптом – диво! – Щира нота лине
І у клавір закохано ляга.

У стоголоссі почуттів одвічних
Знаходить він свій неповторний шлях,
І пестує думки непересічні
У бардівських проникливих піснях.

Коли буває в настрої ліричнім,
Гітарних струн торкається рука.
Дивуюся, як він ключем скрипічним
Сердець замки холодні відмика.

Анатолій АНАСТАСЬЄВ

ЗОРЯНА ДОРОГА

Олександрю Іванову

У світлий день маестро Іванова
Злітає із платана жовтий лист...
А світ почався з музики і слова
Тому в серцях Вівальді, Моцарт, Ліст,
І ми над «Іліадою» Гомера,
У вічності шукаємо основ...
Але сьогодні зовсім інша ера,
Тому, бува, в зажурі Іванов.
О, він чекав божественного звуку,
А не тусовок, рейваху невдах,
Щоб Аполлон своєю граційну руку
Над лютнею возводив, нам на страх.
Аби співали мудрі, а не хитрі,
Талант дивився вічності в очу.
Погляньте: скресли ноти на пюпітрі,
Це пісня, Олександрє Кузьмичу!
Вона іде на Ваші іменини,
А Вашим літам забуває лік.
Трояндові спадають пелюстинки
На хліб і сіль, на вишитий рушник.
Мелодія маестро Іванова,
І ніжні ці окрилені слова.
І цілий світ друкованого слова,
І правда часу, як і ми, жива.
І десь дорога зоряна не сходжена,
А там синкопи – зоряні сліди.
Бог Аполлон із Вами:
– З днем народження!
Веди нас в безмір музики, веди!

А там, то ораторії, то меси,
І зала, переповнена ущерть.
І віриться, що навіть із Одеси,
Прийдуть до Іванова на концерт!

P.S. Ви будете стояти, горді й дужі, –
Гітара, пісня і книжок стелаж.
А ми про все у «Рідному Прибужжі»
Напишемо святковий репортаж!

*Дмитро КРЕМІНЬ,
лауреат Національної
премії України
ім. Т. Г. Шевченка.*



Вместо *послесловия*

*М*ы уже никогда не узнаем, когда, как и почему человек, подражая пению птиц, впервые попробовал воспроизвести голосом музыкальные звуки, отдалённо напоминающие мелодию. Кто первым додумался из разрознённых звуков свистящих косточек создать некое подобие музыкального инструмента? Но бесспорно и объективно, что человек всегда стремился окружать себя музыкальными звуками, и музыка развивалась вместе с ним. Существует теория, что если полностью и повсеместно перестанет звучать музыка, то человечеству грозит деградация и сумасшествие. Я этому верю.

*К*ак объяснить то воистину чудо, что музыка, созданная триста лет назад, сохранилась для нас? Ни тебе типографии для печатания нот, ни магнитофонов, ни кассет и дисков, вообще никаких средств для хранения и распростране-

ния информации. Ответ один и однозначный: значит, эта музыка нужна нам. Всё-таки есть, где-то в космическом эфире, сокровищница высших достижений ума и духа человека и человечества. В этом бесценном хранилище на виртуальных полках хранятся известные и пока неизвестные нам чертежи Леонардо да Винчи, и вторая часть «Мёртвых душ» Н. Гоголя, и еще недоступные нам партитуры И. С. Баха. Восхищаюсь блестящим афоризмом В. Гюго: *«Во всём есть музыка; мир исторгает гимн!»*

Сейчас уже стало возможным воспроизводить человеческую речь с помощью технических устройств. Но мы без труда различаем интонацию робота и интонацию человека. Робот говорит как бы на одной ноте, а наша речь имеет звуковысотное разнообразие. А это значит, что каждое произнесённое слово можно отобразить музыкальными звуками. Трудно не согласиться с польским поэтом А. Мицкевичем: *«Подлинной лирической поэзии без музыки не существует».*

Конечно же, великий поэт не подразумевал, что каждое стихотворение обязательно должно быть спето. Но в интонационных и ритмических проявлениях поэтической речи музыка присутствует изначально. Рискну утверждать, что поэтическое деяние есть стремлением приблизить разговорную речь к музыкальной выразительности.

Авторская песня пленила мою душу, всё моё естество в шестидесятих годах прошлого века, когда на волне хрущёвской «оттепели» громко заявило о себе новое уникальное явление – *поющая поэзия*. Для людей, утомлённых браваурными песнями о нашей якобы счастливой жизни, и лирикой, не отягощённой глубокими чувствами, негромкое искренне слово, спетое речитативом под гитару, было откровением для ума и катарсисом для души.

Для тысяч и миллионов людей (среди них и я) авторская песня стала тем духовным стержнем, той религией, на которой формировался новый тип человека – *человека думающего и чувствующего*. Абсолютно не тиражируемые радио и телевидением песни Юрия Визбора, Булата Окуджавы, Александра Галича, а позже Владимира Высоцкого знала вся страна. У певцов есть такое понятие – *полётность звука*, здесь же налицо новый феномен – *полётность песни...*

Кажущийся на первый взгляд лёгким и простым, жанр авторской песни чрезвычайно сложен, сродни «творческому многоборью». Совсем не просто быть одновременно поэтом и композитором, певцом и гитаристом. Но мне кажется, гораздо важнее, чем многогранность таланта, психологическая готовность барда к публичному духовному са-

мообнажению, без которого немислима авторская песня.

Стихи как эпиграф к песне. Эта творческая находка подвигла меня к созданию стихов, изначально не предназначенных для песен. В таком формате – стихи и песни – был издан мой первый музыкально-поэтический сборник «Мне ветер сердце не остудит». Впервые мои стихи отдельно от нот стали проникать на страницы газет и журналов, что приблизило меня к поэтическому сообществу.

В своей автобиографии юморист Бронислав Нушич писал (привожу не дословно): *«Человек, который всю жизнь жалуется и плачет, за слезами ничего не видит. Человек, который несёт тяжёлую ношу, видит только землю. И только тот, кто идёт с высоко поднятой головой и с широко открытыми глазами, видит настоящую жизнь».*

Я всегда старался быть в гуще событий и всё увиденное и услышанное тщательно сохранял в своей памяти. А потом все впечатления, причудливым образом трансформируясь и обобщаясь, отражались в стихах и песнях. Очень точное определение этому процессу дал бельгийский поэт Э. Верхарн: *«Поэзию следует искать не в сочетании слов, но в атмосфере, которую создают эти сочетания».*

В стихах я не писал конкретно о том пожилком комбайнере, с которым познакомился на колхозном поле под селом Дорожинка. И не писал напрямую о молодом горноспасателе, который спешно выводил меня из задымленной шахты. Он затолкал меня в клеть, – и наверх, к воздуху. А сам остался внизу. Вечером он не пришёл, как мы договаривались, на мой концерт, и я волновался. Но обошлось. Всего-то три дня в больнице с отравлением угарным газом. По шахтёрским меркам и пострадавшим не считается.

*В*сё же все мои стихи и песни *о них* и *для них*. И со сцены я пою *от их имени*.



Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ3

КОЛОКОЛ НЕБЕС

В ночной тиши8

Мой друг9

«Я твёрдо знаю...»10

На улицах Киева11

«Она зайдётся кашлем...»12

«Всё затихнет во вселенной...»13

Послушай небо14

Скалолаз15

«Вновь под музыку...»16

ИСПОВЕДЬ НАЕДИНЕ

Нам, грешным...18

Продолжение жизни19

Реинкарнация20

Лепят ласточки гнездо22

Душа созрела для полёта23

Моим друзьям24

О. Иванов – М. Поплавському25

Песня о настоящем человеке	26
Город родной	28
«Мне ветер сердце не остудит...»	30

ТРОПИНКА ДЕТСТВА

Школьному другу	32
«Домры, гусли, балалайки...»	33
«Когда в шинели нараспашку...»	34
«Ещё всё безоблачно...»	35
Два урока	36
«Сами боль не выбираем...»	38
Песенка о моём слонёнке	39
Босоніж по полю	40
Дочери	41
«Снова вспомню...»	42

ДЫХАНИЕ ЛЮБВИ

Дом любви	44
Мне, то не кажется...	46
«Город замер...»	47
Ты сохрани	48
Святая гармония	49
А за окном опять метель...	50
Зимний сонет	52
Осенняя элегия	53
Ты и я	54
Осень	55
В цыганском стиле	56
Да и нет	57
«Бескрайний мир соткан...»	58
Елене	59
Прощальная	60

ШАЛОВЛИВОЕ ПЕРО

Полу...	62
«Пред тобой, как пред Всевышним...»	63
«Разберите меня...»	64
«В геронтологию не веря...»	65
Листок из конспекта	66
Таньсания	67
«Когда придёт любовь...»	68

ДРУЖЕСКОЕ СЛОВО

Дм. Кремінь	
Дружнє слово до Іванова	70
М. Солодченко	
Вільшанський бард	72
А. Анастасьєв	
Пам'ятаю над Синюхою...	74
А. Анастасьєв	
Моя передмова до творчості Іванова	75
Дм. Кремінь	
Зоряна дорога	76
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	78

Літературно-художнє видання

І В А Н О В
Олександр Кузьмич

**ДУША ДОЗРІЛА
ДЛЯ ПОЛЬОТУ**

Вірші

Російською, українською мовами

Художник Юрій Корнюков

Формат 120×210. Ум. друк. арк. 4,0.

Тираж 500 пр. Зам. № 534-211.

В И Д А В Е Ц Ь І В И Г О Т О В Л Ю В А Ч
Товариство з обмеженою відповідальністю фірма «Іліон».
54038, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 1506 від 25.09.2003 р.

КНИГИ А. К. ИВАНОВА

С подлинным верно.
Биографическая проза А. Малирова.
Николаев : Иллон, 2012.

Музыкальный момент.
Рассказы и очерки.
Николаев: Иллон, 2010.

Варіації на вільну тему.
Проза.
Миколаїв: Іллон, 2009.

Портрет на фоне времени.
Автобиографическое эссе.
Николаев: Иллон, 2008.

Зов романтики.
Киев: ГАПКРКиИ, 2006.

Всё сокровенное я доверяю Вам.
Сборник поэзии и песен.
Киев: КНУКиИ, 2000.

Моєї пісні бентежна струна.
Збірка вибраних пісень.
Кіровоград: Народне слово, 1998.

Мне ветер сердце не остудит.
Сборник стихов и песен.
Кіровоград: Народне слово, 1997.

Гармония. Теория. Практика. Методика.
Николаев: ЧГУ имени П. Могилы, 2004.

Авторські пісні у супроводі гітари.
Миколаїв: МФ КНУКІМ, 2003.

Вибрані вокально-хорові твори.
Миколаїв: МФ КНУКІМ, 2002.

Пісні, що їдуть від серця.
Збірка поезій і пісень.
Кіровоград: ОБНТ, 1995.

Гей, заграйте, музики!
Кіровоград: ОБНТ, 1994.

<http://www.ivanov.nfknuki.mk.ua/>



Иванов
Александр Кузьмич

Директор Николаевского филиала
Киевского национального университета
культуры и искусства,
заслуженный работник культуры Украины,
профессор.
Поэт, композитор, бард,
член Союза писателей России.

